

Светлана Далматова

16+

СТРАНА,
которой нет на карте

Светлана Далматова

Страна, которой нет на карте

«Автор»

2022

Далматова С.

Страна, которой нет на карте / С. Далматова — «Автор», 2022

В советское время бытовала сказка о великой дружбе народов социалистического лагеря, а вот реальность далеко ей не соответствовала. Но именно население той страны, руководство которой находилось в то время не в лучших отношениях с руководством СССР, поражало редких русских туристов своим дружелюбием и истинной благодарностью братьям по оружию. Каким же потрясением для нас, очарованных красотой бесчисленного количества храмов, ежедневным перезвоном колоколов и видимым процветанием шести ее республик, было дальнейшее развитие событий и исчезновение страны с карты мира.

© Далматова С., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Братья по лагерю	5
Страна, которой уже нет на карте	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Светлана Далматова

Страна, которой нет на карте

Братья по лагерю

РУМЫНИЯ

На тускло освещенной сцене, по самому ее краю, впритык друг к другу, теснились старые, выдавшие и лучшие времена, столы, а скрывавшее их потертости зеленое сукно, целью которого было придать как мебели, так и событию, важную роль, еще больше обнажало ущербность сего мероприятия.

Комиссия, состоящая из пяти человек, заседала лицом к залу, а в партере – я, одна – одинешенька. Все происходящее напоминало спектакль, устроенный специально в мою честь. Комиссию интересовало насколько я ориентируюсь в политическом курсе, которого придерживалось руководство стран, которые я собиралась посетить по туристической путевке. Я же, отлично политически подкованная, этакая молодая лошадка, отвечала на вопросы спокойно и бойко. Присутствующие в комиссии четверо мужчин вели себя корректно и доброжелательно. И лишь одна строгая дама, лет тридцати, видимо из тех, для которых и созданы рабочие места в карательных органах, наострила сквозь толстые стекла своих старческих очков недружелюбный взгляд в мою сторону.

Наш выраженный антипод: ее худоба, заостренный нос и пучок редких волос на затылке с одной стороны, и моя ярко расцветенная молодость с другой, напрочь лишал меня малейшего снисхождения.

– Немедленно распусти волосы, а то выглядишь как старушка, – категорически высказалась бы моя бабушка по поводу ее прически.

Вот я и хожу всю жизнь простоволосая.

Так эта дама с нетерпением ожидала своей очереди, чтобы задать каверзный вопрос, изучая меня недобрыми глазками и явно не доверяя или подозревая в чем-то. Когда иссяк запас вопросов у мужчин, и наконец подошла ее очередь, она, коварно улыбнувшись и растянув свои губки в ниточки, произнесла:

– А в "Шалаше Ленина" вы были?

– Нет, – откровенно призналась я.

– Так может вам лучше вначале туда съездить? – язвительно заметила она.

– Какие мои годы, побываю и там, – с легкой улыбкой ответила я, но без единого намека на издевательство.

У дамы пропал дар речи, и пока она соображала, что мне на это ответить, мужчины тут же отпустили меня на свободу.

Мужчины вообще оправдывают наши надежды в молодости, но в старости разрушают.

Медкомиссию я проходила целый месяц: на сдачу каких только анализов меня не направляли, какие только заболевания во мне не искали, даже те, эпидемии которых, возможно, когда-то и существовали, но слышать о них мне ранее не довелось. Мне заглядывали во все места, доступные для визуального осмотра в теле человека и брали оттуда мазки. Так опасались за здоровье наших братьев болгар и румын. На самом деле, причина столь тщательного обследования была в другом.

Когда, наконец, я прошла последнюю процедуру обследования – ЭКГ и, вздохнув, отправилась за заключительной справкой о своем безупречном здоровье, то буквально столкнулась с недоброжелательностью местного терапевта, лечащего все болезни разом.

– Какая вам справка, вы о чем? – возмутилась крупная блондинка в безупречно белом, накрахмаленном до блеска, халате.

Я растерянно смотрела на нее, не понимая, о чем это, собственно, она.

– Да у вас с сердцем совсем плохо, вы там умрете, а нам потом ваш труп вывозить из-за границы!

Здесь уже выразила свое неудовольствие я.

– Я не собираюсь умирать, с какой это стати? И если с моим здоровьем что-то не в порядке, так лечите меня.

– Это не лечится.

– Значит, работать двадцать четыре часа мне можно, а отдыхать вредно – могу от этого умереть?

Она резко протянула мне сложенный гармошкой лист с ЭКГ, на котором, вместо четкого синусового ритма, была изображена фактически прямая линия, настолько редко билось мое, уже уставшее за двадцать три года, сердце.

Возвращалась я на работу в глубоком унынии, не столько из-за своего нездоровья, сколько из-за отсутствия справки. В молодости мы все кажемся себе вечными.

– Ты что такая понурая? – окликнул меня начальник.

Поняв в чем дело, он пожал плечами, удивленно на меня уставясь.

– И зачем ты, спрашивается, целый месяц сдавала анализы, если я сейчас позвоню и тебе принесут эту справку.

Справку мне не принесли, но пригласили зайти в медицинский центр и повторить электрокардиограмму, которую молодые врачи запомнили, так как впервые такое наблюдали у пока еще живого индивида, но ведь какие у них еще были годы.

– Неужели ты не чувствуешь нарушений сердечного ритма? – удивлялись они.

Ничего я не чувствовала до тех самых пор, а вот потом начала чувствовать и поняла, что человеку необходим нормальный сон и отдых.

Лишь когда повторно сделали электрокардиограмму, на которой наблюдались лишь редкие нарушения ритма, мне выдали справку.

В те годы приобрести туристическую путевку за границу было почти нереально, разве что имея рабочую специальность, при этом став победителем соцсоревнования, да к тому же проживая в сельской местности. Кроме всего прочего, путевка за границу стоила очень больших денег.

После окончания института мы зарабатывали такие крохи, что мало кто мог даже мечтать о заграничном туризме, не рассчитывая на помощь родителей. Конечно, все мечтали сразу отправиться в капиталистическую страну – да кто же туда пустит. И когда вдруг предоставилась возможность приобрести путевку сразу в две страны – Болгарию и Румынию, которая стоила шесть-семь моих зарплат молодого инженера, и мама, проработавшая уже немало лет учителем в средней школе и имеющая надбавки к зарплате за стаж, согласилась меня спонсировать, я – эгоистка приняла это как должное. Одно дело – стоимость путевки, но в сумму, которую следовало собрать, входили еще деньги, которые разрешалось вывести за границу на покупки, а для социалистических стран это было 300 рублей, которые меняли у нас на валюту. На эти деньги за границей приобретали вещи, ведь наша страна была страной тотального дефицита. Сейчас, по истечении многих лет, стоит заметить, что многие товары легкой промышленности, да и продукты, производимые в нашей стране, были гораздо лучшего качества, чем те, что мы привезли из-за границы. Ведь дефицитный у нас импорт, столь заманчивый для всех, по которому судили о качестве заграничных товаров, оплачивался бартером за нефть и продавался у

нас по заниженным ценам, был отличного качества. У меня завалилась немецкая куртка с тех времен, которая до сих пор как новая.

Но и наличие путевки не решало всех проблем – надо было пройти собеседование в Обкоме или Райкоме, да получить медицинскую справку.

Вот я и отправилась на собеседование в областной центр, ведь путевку я смогла приобрести, отрабатывая после института в поселке, и, конечно, из-за ее стоимости, которую мало кто мог потянуть.

Мы не выбирали ни тур, ни программу, ни стоимость путевки, ни маршрут следования. Как говорится, спасибо, что разрешили увидеть другие страны. Поэтому и отели, и обслуживание во время путешествия было на высоком уровне.

В Болгарию можно было взять с собой тридцать рублей в нашей валюте, меняли там на местную валюту только купюры, номиналом в десять рублей, но курс обмена был очень занижен.

Когда приблизилось время отъезда, позвонил брат.

– Сколько рублей возьмешь с собой? – поинтересовался он.

– Разрешено тридцать, столько и возьму.

– Подумай хорошо, потом будешь жалеть.

Сомнение в моей душе он зародил, и я провела бессонную ночь.

Утром я решила на эксперимент: одела джинсы в обтяжку – настоящие американские, с которыми приобретаешь вторую кожу, сунула в каждый из четырех карманов по три десятки и вышла на прогулку по проспекту Ветеранов. Теплый ветерок приятно струился мне навстречу. Состояние было комфортным, деньги в карманах не давили. Пройдя быстрым шагом метров двести, я повернула обратно и вдруг увидела летящую впереди меня десятку. Рванувшись за ней, успела все же догнать и спасти последнюю купюру из задних карманов. Скорее всего, кто-то шел за мной и ловил десятки, гонимые ему навстречу легким ветерком удачи.

В аэропорту Пулково нас ждал сопровождающий с документами, до регистрации оставалось еще много времени.

И тут в толпе туристов я увидела знакомые лица – молодую семейную пару – Галю и Витю.

Встреча была столь неожиданной, что вызвала у нас всех бурную реакцию, и до самой регистрации мы столь эмоционально общались, что привлекли совсем ненужное внимание к себе таможенника. Я сразу заметила внимательный взгляд в нашу сторону молодого мужчины, сидящего в зале ожидания в гражданской одежде, якобы туриста, прямо напротив нашей тусовки.

Когда мы подошли к столу таможенного контроля, он довольно резво оставив свой пункт наблюдения, занял место предыдущего таможенника, который был тоже не сахарным – отправил в кабинку для досмотра невысокую полную женщину, стоящую передо мной, видимо, в ее поведении что-то настораживало.

Не помню, чтоб я особенно волновалась, хотя в двух передних карманах джинсов у меня лежали по три сохранившиеся десятки. Таможенник пропустил мой чемодан, но потребовал на досмотр сумку, довольно внушительную, что висела у меня на плече. Погрузив в ее чрево свои руки, он выудил фотоаппарат Zenit, который я везла на продажу.

У меня никогда раньше не было фотоаппарата и фотографировать я не умела.

– Заряжен? – поинтересовался таможенник.

– Нет, – ответила я без промедления, хотя не имела представления даже куда помещается пленка, но пленку везла, на всякий случай.

– Действительно, – согласился он, предварительно проверив.

Затем стал подробно рассказывать стоящему рядом с ним сотруднику, где обычно прячут микропленку, как я догадалась, шпионы.

Тут мне стало совсем смешно и я еле сдерживалась, чтоб не расхохотаться.

Между прочим, народ горит на самых простых вопросах, и таможенники это используют.

Думаю, он передо мной петушился. Ведь грустно других выпускать за кордон, да еще тех, кто не скрывает своего счастья от предстоящего путешествия.

Наконец, мы оказались в самолете и все волнения, как нам казалось, остались позади. Время на борту пролетело столь стремительно, что мы даже не заметили снижения самолета, лишь когда он коснулся посадочной полосы, вздрогнули от неожиданности.

Расслабленные, веселой компанией, мы вошли в румынский аэропорт и направились к окошкам пограничного контроля, но нас остановила жесткая команда на несколько тяжеловатом русском языке:

– Мужчинам выстроиться справа, женщинам – слева.

Мы опешили, а женщины засуетились, путая, как всегда, где право, а где лево.

Проход к пограничному контролю загородили сотрудники Службы безопасности аэропорта, мужчина и женщина, которые потребовали предъявить оружие и наркотики.

Я даже не успела понять, что происходит, когда, ударив по внутренней поверхности моих бедер, сотрудница Службы безопасности заставила меня раздвинуть ноги и залезла ко мне в промежность, довольно глубоко, затем, так же неласково общупала и другие части тела.

Мужские руки, думаю, были бы не столь противоестественны и грубы в этих интимных местах.

Встреча друзей по социалистическому лагерю была явно не слишком дружественной.

Но вскоре и эти переживания остались позади.

Мы знали, что за границей котируются только наши фотоаппараты, икра и водка. Но оказалось, что фотоаппарат подлежал декларации, поэтому сразу скажу, что он со мной прилетел обратно, водку мы выпили сами, а икрой закусили.

В Румынии мы провели неделю на побережье Черного моря, купаясь, загорая, флиртуя.

Как-то, выйдя из отеля, я решила прогуляться самостоятельно без нашей веселой компании. Чтобы не потеряться, я, оглянувшись на здание нашего отеля, автоматически запечатлела в памяти его название «Нора», еще подумала: ударение на первый или второй слог?

Все близлежащие улицы были заполнены празднующими высокими статными красавцами. Но быстро утомившись от их излишне пристального и обременительного внимания, я решила вернуться. Покрутившись на незнакомой местности и не найдя отеля, решила обратиться, как нам и советовали в таких случаях, к полицейскому. Гостиница Нора ему была незнакома: хоть я и меняла ударение, он все крутил своей пышной шевелюрой и таращил на меня круглые глаза, но вдруг, улыбнувшись, ткнул указательным пальцем перед собой. Я оглянулась и увидела знакомое здание с вывеской наверху, которая гласила: «Нога», мое же подсознание соединило латинский алфавит со славянским.

Кормили нас замечательно, по первому классу: завтраки, обеды, ужины, и обслуживал вышколенный персонал. Шведских столов или, как в Европе их называют, «буфетов» не было.

Шведские столы я не люблю, принятие пищи во время путешествий, на отдыхе, должно быть торжественным ритуалом, где оговаривается форма одежды, красиво накрыт стол, официанты встречают, выстроившись у входа, своих гостей. Зал ресторана не должен быть обшарпанной, нескончаемые прилавки которой проседают от нагромождения немыслимого количества блюд, а столики, где часами люди занимаются чревоугодием, заставлены тарелками с остатками пищи, как в анекдоте: «Что не съем, то понаядкусываю».

Нет, для нас было организовано все красиво и со вкусом: и сервировка столов, и обслуживание, и кухня.

В Румынии, где исторически проживает очень много цыган, только местные жители умеют отличать – где румыны, где цыгане, мы же различий не заметили: все были загорелыми, симпатичными. Наша экскурсовод утверждала, что все румынские цыгане работают, но на местах непрестижных – уборщиками территорий и т.д. Отношение к русским румыны не демонстрировали, а это уже было неплохо. Ну, а женщин, молодых и симпатичных, любят во всех странах мира, не взирая на национальность. А наши женщины не избалованы вниманием мужчин, они буквально расцветали на глазах, попадая под поток флюидов, струящихся от местных красавцев.

Лучше поэтессы Вероники Долиной трудно передавать настроение наших женщин:

Когда б мы жили без затей,
Я нарожала бы детей
От всех, кого любила,
Всех видов и мастей.

На румынском побережье Черного моря мы провели целую неделю: купались, загорали, пили коктейли на балконе нашего номера, вначале вчетвером, а затем и впятером. Коктейли готовили из привезенной с собой водки, разбавленной ананасовым соком из металлических банок. Сок в местных магазинах стоил очень дешево, а дома такой вкуснятины мы никогда не пробовали.

Пятым в нашу компанию как-то ненавязчиво влился невысокого росточка хрупкий румын, с которым познакомилась Татьяна.

Татьяна, моя соседка по номеру, сама была маленькой миниатюрной блондинкой, ее распределили ко мне в пару еще в аэропорту Пулково. Проживала Татьяна в Мурманске, ее муж работал на торговых судах: уходил в море надолго и мог привезти гостинцы разного рода, некоторые не радовали. Вероятно поэтому, на отдыхе, а возможно и не только на отдыхе, считала она себя женщиной свободной.

У меня таких проблем не было – я была постоянна в своих привычках молодой незамужней девушки, когда никому, в том числе себе самой, доказывать ничего не надо. Человек сам устанавливает порог дозволенного для себя и на это не должны влиять обстоятельства и поступки других людей, но в жизни все происходит иначе: не было бы падших и их раскаяния, некого было бы провозглашать святыми.

Как я поняла, Татьяна любила гульнуть, ну, а я – прогуляться, так что мы друг другу не мешали. Около нее тут же из наполненного морскими флюидами воздуха материализовался молодой невысокий румын, субтильного телосложения и такой же легкий в общении. Он довольно ненавязчиво влился в нашу компанию, полюбившую вечерние коктейльные посиделки на двенадцатом этаже нашей лоджии, а вид медленно угасающего светила создавал обстановку парения в невесомости и полной релаксации.

Правда, не обошлось без инцидента. Как-то, хорошо расслабившись на лоджии, я прилегла одетой на свою кровать и незаметно для себя и друзей, любовавшихся закатом солнца на лоджии, крепко уснула. Проснулась ночью я оттого, что меня кто-то, лежащий рядом, обнимает за талию маленькой ладошкой. Что это не Татьяна, я сообразила только когда эта нежная ручка стала продвигаться к запретной зоне. Тут молниеносно сработала моя защита: резко повернувшись, я отшвырнула лежавшего рядом самозванца, который свалился на пол. Чуть приоткрыв глаза, я поняла, что это был румын, так как в свете луны были видны очертания мирно посапывающей на соседней кровати Татьяны.

Мужчина довольно легко и бесшумно, словно кот, вскочил на ноги и молча ретировался, плотно прикрыв за собой дверь нашего номера. Видимо, румын решил попробовать шведский вариант семейных отношений.

Окончательно проснулась я уже утром от упорного стука в дверь. Соседняя кровать была пуста, похоже, Татьяна меня не добудилась, и завтрак я проспала.

Заспанная, так и оставшаяся на всю ночь одетой, я встала и открыла дверь. На пороге номера стоял мужчина в форме. Хотя сознание мое еще было заторможенным, но яркое впечатление от приема румынских пограничников, хорошо застряв в моей памяти, тут же высветилось с новой силой. Тревоги не было, лишь крайнее удивление – до чего хорошо работает полиция нравов в этой стране.

Но хорошо приглядевшись и заметив виноватый вид мужчины в форме, я узнала приятеля своей соседки. Как оказалось, он работал на железной дороге, а форма на нем была железнодорожника.

Неудачливый соблазнитель, извинившись, что якобы перепутал кровати, просил не рассказывать никому о ночном инциденте. В таких делах я итак всегда помалкиваю – иначе у меня давно бы не было ни друзей, ни подруг.

Там же, на берегу моря, я успела погреться под светом чужих софит: в длинном, со множеством вагончиков, трамвайчике меня приняли за какую-то местную знаменитость. Когда мы всей дружной компанией вошли в трамвайчик, по вагончикам прошелестел заинтересованный шумок, и множество голов повернулось в нашу сторону. Такое пристальное внимание к моей особе ввергло нас в замешательство, и проехав пару остановок мы вынуждены были покинуть излишне доброжелательное общество пассажиров – нас озадачила неизвестная причина столь откровенного ко мне интереса местной публики.

Однако, даже стоя на улице мы ловили взгляды из проходящих мимо нас вагончиков, а некоторые, видимо не совсем культурные пассажиры, показывали пальцем в мою сторону. Как ни разглядывал со всех сторон меня Витька – ничего порочащего «облико морале» советского человека не обнаружил. Но и позднее он не оставил своих усилий добиться истины и выудил из обслуживающего персонала отеля, что причиной чрезмерного интереса ко мне пассажиров было потрясающее внешнее сходство с известной румынской певицей. Ощущение неприятное, когда тобой интересуются только по ошибке, чувствуешь себя обманщицей.

А вот самое приятное – это шопинг. Ведь именно для этого нам щедро обменяли на румынскую валюту триста рублей (две средние советские зарплаты инженера, учителя или врача). Удовольствие редкое для нашей привычной жизни, но захватывающее, ощутить себя на время почти миллионером, стать расточителем, который может выбрать на заваленных модной одеждой прилавках все что угодно (пусть и в пределах отпущенной суммы). Сам по себе миг сказочный, но ведь чтобы оценить заграничное изобилие, надо познать скудность предложений отечественной «легонькой» промышленности. Я примерила удлинненный черный плащ под кожу, широкий пояс которого и придавал наряду особую пикантность, а вот для мамы выбрала элегантный костюм: белый приталенный пиджак в узкую бардовую продольную полоску тонко гармонировал с однотонной бардовой юбкой со встречной складкой, составив классический вариант дорогой одежды, модной во все времена.

БОЛГАРИЯ

По истечении отдыха в Румынии, нас посадили в автобус и повезли в Болгарию на Солнечный Берег.

Болгарская представительница турфирмы ознакомила нас с программой тура и предупредила, что так как в Румынии условия нашего пребывания были организованы по высшему классу, а в Болгарии – по первому, то вполне возможно, что по окончании трапезы мы оста-

немся голодными, поэтому не должны стесняться, а поступать как болгары: лепешки макать в соус подливки, которую в изобилии содержат блюда болгарской кухни.

И действительно, в Болгарии нас кормили менее торжественно, чем в Румынии, но гораздо вкуснее и сытнее. Официанты были услужливы и вежливы, блюда подавали на больших тарелках, пища была замечательно приготовлена и вполне обильная. Для меня было слишком много еды, и одно из двух блюд я отдавала более ненасытным.

Гид по Болгарии так красочно описала нам болгарские ресторанчики с национальным уклоном: народными песнями, танцами, прыжками через костер, хождением по углям, что мы, с радостью согласившись на все три ее предложения, слишком поздно поняли, что погорячились, потерпев внушительный финансовый ущерб.

Меня трудно было удивить веселыми ресторанчиками, ухоженностью и чистотой европейских городков, широким ассортиментом товаров народного потребления в магазинах и так называемой европейской цивилизацией, ведь после института я работала в Прибалтике, где все выше перечисленное присутствовало, а ресторанный бизнес был поставлен на самый высокий уровень.

И так как все три болгарских ресторана были похожи, запомнила я всего один единственный, и то из-за необыкновенно красивого официанта, который нас обслуживал. Выделялся этот ресторан от двух других своим громадным залом, овальной сценой для оркестра и довольно большой танцевальной площадкой, над которой на уровне второго этажа располагалась открытая галерея со столиками для гостей. Так что народ взирал на танцующих сверху. Когда мы дружной компанией вошли в ресторан, я задержалась на какое-то время в холле у зеркала, отстав от своих попутчиков, которых администратор уже провел в зал и усадил за столик. И когда я отыскиала своих друзей, то около их столика уже стоял рослый красавец официант в ярком национальном костюме и принимал заказ. Он оглянулся в мою сторону и замер.

– Мона Лиза, – произнес он.

Затем, повернувшись в сторону Виктора, добавил по-русски, с приятным акцентом:

– Теперь танцую.

– Это он о чем? – поинтересовалась я у Вити.

– Да мы тут говорили о танцах под их веселую музыку, и мне стало интересно: а сами – то они танцуют? Но официант ответил, что им танцевать запрещено, за это уволят. И вот увидел тебя, а дальше ты слышала.

Вот так мы и протанцевали с этим волооким болгаринном – близнецом Киркорова, скинувшим свой расшитый народным орнаментом передник, до самого закрытия ресторана. Я же так и не увидела ни зажигательных танцев этнического коллектива, ни прыжков через костер, ни хождения босиком по углям. И не жалею! Так как молодость не вернешь, а с возрастом именно эти воспоминания самые приятные.

Далеко не всем дано оценить степень блаженства, когда ты, привыкший вместо удобной обуви примерять в магазине подковы для лошадей фабрики "Скороход", вдруг попадаешь в магазин фирменной итальянской обуви в Варне, где на нескончаемом двойном прилавке выставлены туфли и босоножки всех мыслимых и немыслимых цветов и фасонов, и на все про все тебе отведено 15 минут, до отхода автобуса. Я хватаю одну босоножку, потом вторую, третью, при этом две первые падают. Полная растерянность, ведь некогда прислушаться к себе – от какой пары внутри йокнет. Одинаковой была только цена – пятьдесят левов за одну пару.

Я выбрала любимый цвет: полоски замши разных оттенков сиреневого, из которых были сшиты эти черевички на высоких каблуках, переплетаясь, создавали причудливый узор. И к автобусу я, словно в замедленной съемке, выплыла в них.

Босоножки оказались недолговечными: они не вынесли трудностей моего обитания в сыром холодном деревянном доме и неотапливаемом помещении, потускнели и расклеились. Да и свой плащ из искусственной кожи, приобретенный в Румынии, я вскоре продала, дешево.

Путешествуя сейчас, я никогда не хожу по магазинам и не привожу из-за границы никаких вещей, не теряю на это время и не трачу деньги. Хотя, красивую, мастерски сшитую одежду очень люблю, но то, что нравится, стоит уж очень дорого.

Страна, которой уже нет на карте

ВЕНГРИЯ

Я шла по проходу в поисках свободного места. И тут меня окликнула симпатичная девушка, чья белокурая коса, перекинута на грудь, с одной стороны подчеркивала красоту и женственность своей хозяйки, с другой – придавала ей строгость, наперекор синим, смеющимся глазам.

- Садись рядом, присоединяйся к нашей компании.
- А кто еще в компании? – поинтересовалась я, оглядываясь по сторонам.
- Сейчас подберем.
- О, видишь, плывет павой? Берем!

И блондинка выбрала нам в подружки стройную русую девушку Лену, с лица которой не сходила доброжелательная улыбка, демонстрирующая красоту маленьких пухлых губ и небольших ровных белых зубов, а вот шестимесячная завивка ее простила и выросла.

Группа была в основном возрастная, поэтому следующей, отобранной Соней нам в компанию, оказалась женщина лет сорока, пухленькая блондинка, симпатичная, уютная, с редким именем Нонна (что в переводе с латинского означает «девятая», хотя и оказалась четвертой в нашей женской тусовке).

Собрание происходило в актовом зале, хотя счастливых, получивших одобрение на туристическую поездку по маршруту: Венгрия – Югославия, было не столь много, и для нашего сбора вполне хватило бы мест в обычной комнате.

Группу товарищей идейно готовили для посещения капиталистической страны, к которой приравнивалась у нас в советское время Югославия. Социализм в Югославии и при Броз Тито был особенным, идейно не согласованным с Москвой, и во многом развивающимся своим путем. А после разоблачения культа личности Сталина, отношения между странами совсем испортились.

Политинформация, которую мы прослушали, вносила в нашу душу настороженность: словно нас внедряли на нелегальную работу в тыл врага, и следовало помнить каждую секунду, что неприятель не дремлет, быть бдительными, а главное – НЕ РАССЛАБЛЯТЬСЯ!

Нормально, заплатить сумму, равную восьми средним окладам, и не иметь права даже расслабиться.

Соня угадала в женщинах массу достоинств для совместного проживания в двухместных номерах отеля. С мужчинами в группе, как и вообще во всех путешествиях, а особенно по России, была напряженка, но за границу они все-таки стремились.

Соня забросила свои сети в мужское общество и выудила четверых, два из которых и сами бы стали инициаторами знакомства, так как вселяли некоторое подозрение в изначальном интересе к нам – чисто профессиональном. Путешествовали эти компанейские и довольно резвые мужчины налегке, багаж одного из них состоял только из «дипломата». Красотой никто из четверых мужчин не отличался, даже напротив, у двоих присутствовал физический изъян – косолапие и хромота. Надо было долго искать по Ленинграду таких красавцев, чтобы собрать их в нашей группе.

– А что, выбирала из тех, кто был. Вам, девчонки, нужны иностранцы, мне же – наш мужичок, – рассуждала Соня.

В купе под номером тринадцать было шумно и весело, Сонька предложила выпить чай с Душевным печеньем, которое, как утверждала, испекла сама, от души. Хотя, в последствии я засомневалась в ее кулинарных способностях, так как готовить она не умела.

– Ну, давай свое Душевное печенье, – потребовала веселая компания, приготовившись к чаепитию.

Когда гости, наконец, разошлись по своим купе, и мы на время остались с Соней вдвоем, она проявила свою заинтересованность:

– А вот Эрлен, как думаешь, женат?

– Этот смугленький, с постоянно бегающими карими глазками? Насколько я разбираюсь в мужчинах – нет. У него слишком голодный вид, уж очень он крученный-верченный. Худенький, то ли от недоедания, то ли от излишнего темперамента, – высказала я свою авторитетную точку зрения.

В молодости мы сильно переоцениваем свои знания жизни.

Сорокалетней разведенной Нонне, которая жила с матерью и дочерью, понравился сухарь из администрации – наш сопровождающий.

Путь в Венгрию лежал через Москву, где пересели на другой поезд, а уже в Чопе нас ждал большой туристический автобус Икарус, вдоль тела которого крупными красными буквами было написано: МОСКВА. В этом автобусе мы пересекли с остановками на ночевку Венгрию и очертили своим маршрутом треугольник на карте страны, которой уже не существует, Югославии.

Первая остановка была в небольшом, очень компактном, средневековом городке – крепости Эгер (в переводе с венгерского – звезда). Городок побывал под турками и австрийцами, что наложило отпечаток на его архитектуру. Мы лишь погуляли по этому чистенькому уютному городку, переночевали и поехали дальше, в направлении Будапешта.

Но во время прогулки по Эгеру мы с Леной, которая составила мне пару с двухместном номере на все время нашего путешествия, познакомились с симпатичным молодым мадьяром, он шел рядом с Леной, чуть приобняв ее за плечико. А когда пришли на ужин, то сопровождающий из Райкома, проходя мимо нашего столика, строго глядя в глаза почему-то мне, произнес голосом, от которого должна была оледенеть наша горячая молодая кровь:

– Это что за прогулки в обнимку с мужчинами?

Складывалось мнение, что сам райкомовский нас не видел, но специально обученные и для этого внедренные в группу люди донесли.

Наши подозрения в отношении как минимум одного, а может и двух агентов, приставленных для наблюдения именно за нами, как наиболее молодыми и поэтому опасными, оправдались.

Да и Нонна подтвердила, так как именно она, которая вроде бы не интересовалась мужчинами, почему – то в дальнейшем оказалась в приятельских отношениях с административным боссом и процитировала его высказывание по нашему поводу:

– Эти две девицы – именно то, чего я больше всего боялся: за ними нужен глаз да глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.